

ПИСЬМО БРАТУ

Привет, Артём. У нас всё хорошо.
Вчера похолодало, снег пошёл,
с утра телёнка в сени запустили.

Отец не пьёт, из дома ни ногой,
всё ждёт тебя. Да ты ж у нас какой:
родней семьи то джунгли, то пустыни.

Ты снился мне: обрыв, тропинка вниз,
бежишь по ней, кричу тебе: «Вернись!» –
и падаю в траву, теряя силы.

Вдруг лес зашевелился, стал живым,
а ты ему командуешь: «Бежим!»,
и вздрогнули берёзы и осины,

послушно побежали за тобой,
попарно, в одиночку и гурьбой,
но замерли внезапно у границы –

в их кронах загорелся стыд и страх,
и плакали в беспомощных руках
привыкшие к родному месту птицы.

Потом я вынимала из золы
обугленные мёртвые стволы
и красила зелёным, чтоб не броско.

59

Приснится же такое, ну дела!
...Твоя Полина снова запила,
вчера весь день стояла у киоска.

Я снова без копейки – третий год.
Весной поеду в город, на завод,
сбегу из-под родительской опеки.

Ещё про сон... я стала хоронить
стволы... чудно, конечно... но они
давали тут же новые побеги.

* * *

Цвела джида, журчал степной арык –
Я помню это место, где зарыт
Мой детский клад – «секретик»

мой заветный.

Под выпуклым бутылочным стеклом
Лежало голубиное перо
На смятой золотинке от конфеты.

Земля была покорна и легка,
Как гречневая мамина мука.
Её так много – всем на свете хватит
Лугов, полей и маковых степей.
Я знала, что могу доверить ей
И стёклышко, и пёрышко, и фантик.

Я помню осень. Сад. Горит листва,
Ползёт позёмкой пепел от костра,
Ложась на оперенье мёртвой птицы.
И хрупкий мир, что не был мной спасён,
Послушно лёг в голодный чернозём
И в кукольной коробке уместился.

БЕРЕНДЕЕВО ЛЕТО

У дачной жизни праздничный уклад,
здесь каждый дом распахнут и крылат,
до самых звёзд плетётся виноград,
пылают астры.

Здесь так легко – босым, как Берендей,
идти к пруду по тёплой лебеде,
потом пугать в задумчивой воде
мальков глазастых.

Здесь ночью прилетает птица-тишь
и слышно, как спешит в ловушку мышшь,
как лунный свет стекает с жарких крыш
в кусты сирени.

Здесь каждый день – входной и выходной,
здесь каждый дачник – новый летний Ной,
кусочек суши под его ногой –
его спасенье.

ДЕВУШКА ИЗ ЕЛЬЦА

Любушка, Любушка, девушка из Ельца,
Локон ковыльный треплется на ветру.
Мать причитала, мол, воду не пить с лица,
Женщину красят скромность
и честный труд.

Любушка, Любушка, мама была права:
Больно густы ресницы, изящна бровь,
Губы припухлые – ими бы целовать,
Ими шептать в ночи: «Я любовь, любовь...».

Любушка, Любушка. Каждый в тебя влюблён.
Место ли розе там, где растёт бурьян?
Хочется туфли, колечко, духи, бельё,
Хочется всё... Но муж постоянно пьян.

Любушка, Любушка. Бог приказал терпеть.
Счастье – в тебе, не надо его искать.
В синих глазах – бесконечный простор степей.
Что же так манят эти шесть букв –
Москва?

Любочка, Люба... Машины, поток огней,
Город зажат в тиски четырёх колец.
В грязном кювете за МКАДом лежит
Люба... Любовь с билетом Москва – Елец.
пять дней

КОРНИ

Корни мои родные – косточки, позвонки –
воздух над вами стынет, травы плетут
венки,
траурно ветер воет, лижет прохладу плит.
Наземь роняя хвою, рыжий сосняк гудит.
Насмерть укоренился сытый чертополох –
кормит его живица, делится влагой мох.
Словно из плоти сделан – он ни цветок,
ни зверь,
мы корневой системой связаны с ним теперь.
Голубь – крылатый постник – землю, как хлеб,
клюёт.
Всё тяжелей на кости давит гранитный
гнёт.

Корни мои земные, светлые имена,
мёртвые, но живые, скоро вратуют в меня...

АВГУСТОВСКОЕ

Мне в августе всегда немного больно.
Как муха в обманувшем застеколье,
я билась. Но закончился запал –
остывший день для суетности мал
и слишком зрел для шалостей дурацких.
Пора в дорогу листьям собираться,
и яблоку, упавшему в траву,
и девочке – её уже зовут
примерить форму новую для школы.
Пиджак велик и кажется тяжёлым,
ботинки жмут, мешают ремешок,
и только бант болтается смешно.
Но ей внушают старшие, что нужно
сегодня стать серьёзной, и послушной,
и взрослой – непременно к сентябрю.
Созревший день настойчиво клюют
дожди и птицы. Первая прохлада
украдкой просочилась сквозь ограду,
по саду пробежала, словно ток,
и проседью задела мне висок.

ТРАНСЛЯЦИЯ ВОЙНЫ

Упасть в траву, как в детстве, и молчать...
Закрывать глаза и видеть даль за далью,
подслушивать, как шепчет молочай

признания в любви смущённой мальве,
как василёк колышется во ржи,
поёт ковыль, трезвонит колокольчик.
Прозрачный полдень кружит и жужжит,
звенит, порхает, льётся и стрекочет.
И запах детства...

Это только сны.
Повсюду скрежет ферросплавной массы.
Я слушаю

трансляцию войны
машин с людьми.
Я жительница Марса.

НАЧАЛО

Не стой в дверях, иди за стол, солдат.
Сейчас не нужно помнить старых дат,
Чтоб выпить. Жизнь берёт своё начало –
Сегодня обнулят календари.
Рассвет в тревожном мареве горит,
Но небо тишину пообещало.

Давай же пей, солдат. А после пой
Про шёлковый платочек голубой,
Засевший крепко в памяти усталой.
Про синие карельские леса,
Про маму с белой прядью у лица,
Про девушку с далёкого Урала.

Ликует май – твой новый мирный май,
Давай, солдат, вторую наливай...
Цветут сады, смотри, сирень какая!
А солнце, закалённое в бою,
Кладёт ладонь на голову твою,
Из памяти плохое выжигая.

БАЮ-БАЮ

Баю-баю... снов не видит
Старый хутор по ночам.
По дворам, заросшим снытью,
Бродит лунная печаль.
То, вздохнув, уронит грушу,
То прольёт вишнёвый сок,
То из бурой вязкой лужи
Смачно сделает глоток.
То водой в колодце булькнет,
То возьмётся в окна дуть.
А устанет – ляжет в люльку,
Позабытую в саду.

Ветер люлечку качает,
Осторожный, словно вор.
За плетнями, нескончаем,
Стелет простыни простор.
Заглянула в люльку птица –
Ищет гнёздышко птенцам...
Седовласый пар клубится
У прогнившего крыльца.
Речка звёзды привечает,
Привечать чужих не грех.
Над заброшенным причалом
Вьётся иволговый смех.

Волк, свернувшийся в калачик,
Спит у чёрного куста.
Баю-бай.
Никто не плачет.
Ночь.
И люлечка
пуста.

